

Византия и греки в поле политической дискуссии Руси XVI века

Научный руководитель – Усачев Андрей Сергеевич

Агафонов Илья Станиславович

Студент (бакалавр)

Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт,
Москва, Россия

E-mail: KrestoNNOsets@ya.ru

Историческая наука, после обретения ей статуса общественной, обозначила для каждого государства потребность в построении собственной концепции истории, завязанной на параллелях прошлого и преемственности бытия. После 1991 года такая потребность возникла и у российской исторической науки, лишившейся идеологического давления и получившей возможность развиваться в контексте уже наступившей к тому моменту в Западной Европе полидисциплинарности. При этом, несмотря на открытие качественно новых методов и подходов, важную нишу для понимания исторического прошлого страны продолжает занимать политика, способы её реализации и те образы, которая она реализует и воплощает в жизнь, посредством идеологического инструментария.

Вопрос об идеологическом прошлом России и путях развития государственной идеи обозначился еще в начале XX века. Обозначенная в работах Вальденберга В.Е. проблема формирования независимой политической идеологии России переносит истоки самостоятельной государственной идеи к XV-XVI векам, подчеркивая проходящее через культурные, торговые и политические контакты, влияние Византийской империи [1].

На протяжении следующих более чем ста лет исторических разработок ученые последовательное обращались к исследованию русской политической идеологии в контексте византийского влияния, вносят свой вклад в изучение русской политической традиции, всё больше дистанцируя её от Византии, подчеркивая самостоятельность русских властной идеи и разрабатывая специфику дипломатических сношений государств, адаптации русской литературой некоторых византийских традиций и развития титулатуры.

В постсоветскую эпоху вновь возникшая проблема самоопределения и поиска исторической преемственности были взята в оборот Сеницыной Н.Н. и Усачевым А.С., работы которых сгладили остроту вопроса. В монографиях учёных развенчиваются мифы восприятия концепции «Москва — Третий Рим», как утрированно мессианского концепта о бесконечной Руси, и окончательно обозначается время формирования официальной государственной концепции власти, привязывая её к Степенной книге царского родословия, соответственно [2,3].

Итоги анализа работ, посвященных изучению византийского влияния на русскую политическую мысль, позволяют говорить об устоявшихся в исторической науке выводах о:

1. Слабой степени влияния Византии и её идеологических установок на русскую политическую традицию, что отразилось на отношении русской политической и интеллектуальной элиты к титулатуре, церемониалу, декларируемым отношениям между Богом, царём и подданными, статусу государя, его правам и обязанностям.

2. Специфической адаптации на Руси византийских образов власти, связанных, в основном, с христианскими образцами поведения или морально-этическими нормами без восприятия политических идей об имперскости, главенстве в православной эйкумене и единоличности обладания царским титулом.

Исходя из сделанных выводов, становится ясно, что проблема изучения Византии, как фактора влияния на русской политической традицию не стоит в настоящее время столь остро, как раньше. Подавляющее большинство исследователей, занимаясь взаимоотношениями Византии и греков с Русью, влиянием их на русскую идеологию, делали выводы, ориентируясь на Византию, как на субъект истории, оказавший влияние на Русь и продолжавший оказывать это влияние после своего исчезновения, посредством письменных источников и тех философских традиций, которые были привнесены на Русь после принятия христианства.

Однако для Руси XVI века, когда идёт активный процесс оформления самостоятельной политической идеологии, а Византия становится историческим примером неудачи в построении православного царства, встаёт вопрос о сущностном смысле обращений к Византии и примерам из её истории. При этом «царство Греческое» не используется, лишь как негативный пример для выстраиваемой идеи чистоты нового православного царства, но появляется в самых различных контекстах. Несмотря на это, исследователи говорят о том, что в XVI веке восприятие Византии на Руси смещается в сторону осуждения её государственного, политического и идейного образа в связи с принятием унии в 1439 году и падением державы в 1453. Однако, в чём, в таком случае, заключается практический смысл обращения к византийскому опыту и грекам, как её представителям в русских письменных источниках того периода? Для ответа на этот вопрос необходимо исследовать примеры появления Византии и греков в письменных источниках XVI века не с позиции отношения к Византии и грекам на Руси в этот период, но исходя из погружения Византии и греков в поле политической дискуссии, выстраиваемой в интеллектуальных проектах русских книжников XVI века для цементирования основных идеологических установок, определяющих положение Руси в мире, статус её правителя, иерархию государств и систему взаимоотношений государя и подданных. Исходя из данной формулировки, можно предположить, что Византия и греки появлялись на страницах письменных документов в XVI века не просто так и любое их появление было призвано разложить или же обосновать один из элементов нарождающейся государственной властной концепции.

Актуальность и научная новизна данной темы исходят из поставленной проблемы. Российская историческая наука долгое время пыталась ответить на вопрос о времени становления самостоятельной политической идеологии Руси, о её авторах и принципах. После того, как наиболее острые углы данной проблемы были сглажены более чем вековой научной разработкой вопроса, появляются возможности изучения, не только использовавшегося авторами государственной концепции власти инструментария и его истоков, но и периферийных элементов концепции власти, что определяли специфику воспроизведения образов власти и той аргументации, которую использовали русские книжники для обоснования особого статуса Русского царства и его государя. Дальнейшая разработки тему, в таком случае, должна пойти не по пути экстенсивного расширения вопроса, но пути интенсивного углубления проблематики и поиска ответа не на вопрос что из себя представляла властная концепция, но как она формировалась.

Источники и литература

- 1) Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Наука, 2006.
- 2) Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб.: Альянс-Архео, 2009.
- 3) Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М.: Индрик, 1998.